Публично-правовые науки / Public Law Sciences

Научная статья
Original article
DOI: 10.12731/2576-9634-2026-10-1-265
EDN: GBLTRT
УДК 336.02

Налог на бездетность: история, современность, дискуссии о введении

М.И. Кухто, В.П. Чикова, К.В. Аровина
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. В статье на основе историко-правового, сравнительно-правового и формально-юридического методов исследован генезис советского налога на бездетность (1941-1992 гг.) и перспективы его введения в России. Актуальность обусловлена демографическим кризисом в России и дискуссиями о введении налога на бездетность, предмет - генезис советского налога на бездетность, его конституционно-правовая оценка и сравнительный анализ зарубежных моделей демографического регулирования. Научная новизна работы заключается в триедином анализе налога на бездетность: историческая эволюция советского налога, конституционная оценка его легитимности и систематизация пяти зарубежных моделей. Впервые предложена классификация зарубежных подходов на позитивно-стимулирующие (германская, французская, скандинавская модели) и репрессивно-дискредитированные (итальянский и румынский прецеденты). Сделан вывод о неконституционности и бесперспективности налога на бездетность в современном правовом государстве и о необходимости развития системы налоговых вычетов на детей.

Цель. Комплексный правовой анализ налога на бездетность и оценка легитимности его возрождения в Российской Федерации.

Методология проведения работы. В исследовании использовались историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

Результаты. Реконструирована эволюция вышеуказанного советского налога (1941–1992), доказана его демографическая неэффективность и дискриминационная природа; выявлено несоответствие налога на бездетность конституционным принципам равенства, соразмерности и неприкосновенности частной жизни; установлено, что зарубежные модели (германская, французская, скандинавская) основаны на позитивном стимулировании, а итальянский и румынский прецеденты

связаны с авторитарными режимами; обосновано, что развитие налоговых вычетов на детей (статья 218 НК РФ) является единственно конституционно допустимым инструментом демографической политики.

Область применения результатов. Законотворческая деятельность, правоприменительная практика, научные исследования в сфере налогового, конституционного и семейного права.

Ключевые слова: налог; демография; рождаемость; государство; свобода; ответственность; бездетность

Для цитирования. Кухто, М. И., Чикова, В. П., Аровина, К. В. (2026). Налог на бездетность: история, современность, дискуссии о введении. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, *10*(1), 30-53. https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-1-265

Childlessness tax: history, modernity, prospects for implementation

M.I. Kukhto, V.P. Chikova, K.V. Arovina
S.A. Yesenin Russian State University, Ryazan, Russian Federation

Abstract

Background. Drawing on historical-legal, comparative-legal and formal-legal methods, this article examines the origins of the Soviet childlessness tax (1941–1992) and the prospects for its introduction in Russia. The relevance of the topic stems from the demographic crisis in Russia and the ongoing debates regarding the introduction of a childlessness tax; the subject matter comprises the genesis of the Soviet childlessness tax, its constitutional and legal assessment, and a comparative analysis of foreign models of demographic regulation. The scientific novelty of this work lies in a three-pronged analysis of the childlessness tax: the historical evolution of the Soviet tax, a constitutional assessment of its legitimacy, and a systematisation of five foreign models. For the first time, a classification of foreign approaches is proposed, distinguishing between positive-incentive models (the German, French and Scandinavian models) and repressive-discrediting models (the Italian and Romanian precedents). It has been concluded that a childlessness tax is unconstitutional and unworkable in a modern constitutional state, and that there is a need to develop a system of tax deductions for children.

Purpose. A comprehensive legal analysis of the tax on childlessness and an assessment of the legitimacy of its reintroduction in the Russian Federation.

Methodology. Historical-legal, comparative-legal, and formal-legal methods.

Results. The evolution of the Soviet tax (1941–1992) has been reconstructed; its demographic ineffectiveness and discriminatory nature have been demonstrated. The

non-conformity of the tax with the constitutional principles of equality, proportionality, and the right to privacy has been revealed. It has been established that foreign models (German, French, Scandinavian) are based on positive incentives, whereas the Italian and Romanian precedents are linked to authoritarian regimes. It is substantiated that the development of tax deductions for children (Article 218 of the Tax Code of the Russian Federation) represents the only constitutionally admissible instrument of demographic policy.

Practical implications. Legislative activity, law enforcement practice, and scientific research in the fields of tax, constitutional, and family law.

Keywords: tax; demography; fertility; state; liberty; responsibility; childlessness

For citation. M.I. Kukhto, V.P. Chikova, K.V. Arovina (2026). Childlessness tax: history, modernity, prospects for implementation. *Russian Studies in Law and Politics*, *10*(1), 30-53. https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-1-265

Введение

Актуальность исследования обусловлена демографическим кризисом в России и возобновляемыми инициативами о введении налога на бездетность. Опрос ВЦИОМ от 6 ноября 2024 года фиксирует противоречие: 74% россиян информированы об инициативе, но 67% относятся к ней отрицательно, а 66% не верят в её эффективность. Данное противоречие требует научного осмысления и восполнения пробела в обосновании демографической политики.

Объект исследования – правовые нормы, регулирующие фискальное воздействие на репродуктивное поведение. Историографический анализ работ С. Н. Грошева, И.А. Григорьева, Е.А. Андреевой, О.В. Морозовой и других авторов свидетельствует об отсутствии комплексного исследования, объединяющего историко-правовой анализ советского налога на бездетность, конституционно-правовую оценку его легитимности и систематизированный сравнительный анализ зарубежных моделей.

Цель работы – правовой анализ генезиса налога на бездетность и оценка легитимности его возрождения на основе конституционных критериев и сравнительно-правового анализа.

Задачи исследования включают: реконструировать эволюцию советского налога на бездетность (1941–1992); оценить его соответствие конституционным принципам равенства, соразмерности и

неприкосновенности частной жизни; систематизировать зарубежные модели демографической политики и классифицировать их; обосновать недопустимость введения аналогичного налога в современной России и доказать необходимость развития системы налоговых вычетов на детей как единственно конституционного инструмента.

Гипотеза: налог на бездетность является архаичным, конституционно уязвимым и неэффективным инструментом, уступающим системам позитивного стимулирования рождаемости.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его выводов органами законодательной власти при оценке демографических инициатив.

Сформулированные критерии неконституционности налога на бездетность и систематизированный зарубежный опыт могут служить научно-обоснованным фильтром при разработке законопроектов, предотвращая принятие фискальных мер, нарушающих права граждан.

Результаты работы также применимы в деятельности правозащитных организаций и в преподавании курсов налогового и конституционного права.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Эмпирическую базу образуют нормативные правовые акты СССР и Российской Федерации, зарубежное законодательство, статистические данные и научные публикации отечественных и зарубежных авторов по проблематике налогообложения бездетных граждан.

Результаты и обсуждение

Генезис и последующее функционирование так называемого налога на бездетность в СССР представляет собой комплексное правовое и социально-экономическое явление, требующее детального рассмотрения в исторической ретроспективе. Его возникновение, нормативное содержание и эволюция отражают специфику

взаимодействия государства и личности в условиях тоталитарного режима, военного времени и послевоенного восстановления. Анализ данного феномена позволяет выявить не только фискальные цели законодателя, но и глубоко укорененные в идеологии установки, направленные на регулирование приватной сферы жизни граждан в интересах построения социалистического общества.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 года «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» // «Ведомости Верховного Совета СССР», 1941 г., № 42 (с 1 января 1992 г. утратил силу) стал формально-юридическим основанием для введения данного сбора. Контекст его принятия имел первостепенное значение. Страна находилась в крайне тяжелом положении первых месяцев Великой Отечественной войны, неся колоссальные человеческие и материальные потери [19]. В этих условиях государственная машина была вынуждена изыскивать дополнительные ресурсы для финансирования военных нужд [10, с. 220]. Однако, как отмечают исследователи, включая С.Н. Грошева, демографический мотив также присутствовал изначально [3, с. 69]. Правительство осознавало, что текущие и будущие потери населения угрожают самому существованию государства и его трудовому потенциалу [14, с. 255]. Таким образом, указ стал актом, сочетающим экстренные меры с элементами долгосрочной демографической политики, направленной на стимулирование рождаемости.

Содержание указа детально регламентировало круг плательщиков, размеры обложения и предоставляемые льготы. Согласно статье второй, налогом облагались одинокие граждане, а также состоящие в браке, но не имеющие детей мужчины в возрасте от двадцати до пятидесяти лет и женщины в возрасте от двадцати до сорока пяти лет. Данное возрастное ограничение свидетельствует о целевой направленности сбора именно на граждан, находящихся в активном репродуктивном возрасте. Налогооблагаемая база и ставки были дифференцированы. Для рабочих и служащих при заработной плате до ста пятидесяти рублей в месяц устанавливался фиксированный платеж в размере пяти рублей. При заработке свыше указанной суммы

налог исчислялся как пять процентов от месячного дохода. Для иных категорий граждан, таких как лица, занимающиеся индивидуальной деятельностью, устанавливались фиксированные годовые платежи.

Важным аспектом правового регулирования являлся перечень оснований для освобождения от налога. Статья третья указа освобождала от обложения военнослужащих и их жен, что являлось справедливой мерой социальной поддержки в условиях войны. Льготы также предоставлялись учащимся средних и высших учебных заведений до достижения определенного возраста, пенсионерам и лицам, которые по медицинским показаниям, подтвержденным врачебной комиссией, не могли иметь детей. Особого внимания заслуживает норма статьи одиннадцатой, согласно которой взимание налога прекращалось с момента рождения ребенка. В законодательстве о налоге была установлена явная и неразрывная связь между двумя вещами: финансовой обязанностью гражданина (платить или не платить налог) и его личным решением в области деторождения (иметь или не иметь детей).

Последующее развитие законодательства о налоге на бездетных и малосемейных граждан подтвердило его направленность на стимулирование рождаемости. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года // «Ведомости Верховного Совета СССР», 1944, №37 (утратил силу 5 марта 1991 г.) внес существенные изменения в механизм обложения. Была введена прогрессирующая шкала, увязанная с количеством детей в семье. Для граждан, не имеющих детей, ставка была увеличена до шести процентов от дохода. При наличии одного ребенка ставка снижалась до одного процента, а при наличии двух детей - до половины процента. Это изменение означала переход от простого обложения бездетности к системе налоговых льгот для многодетных семей. Государство создавало ощутимые финансовые преимущества для тех, кто следовал провозглашаемым демографическим идеалам.

Функционирование данного налога на протяжении почти пятидесяти лет, вплоть до его отмены в 1992 году в связи с распадом Советского Союза, порождает серьезные вопросы о его эффектив-

ности и социальных последствиях. Ряд авторов, включая Е.А. Андрееву, указывают на то, что налог выполнял важную фискальную функцию, обеспечивая стабильный, хотя и не основной, приток средств в государственный бюджет [1, с. 29]. Эти средства, по замыслу законодателя, должны были направляться на финансирование пособий многодетным матерям, содержание детских учреждений и другие социальные программы. Однако оценка демографической результативности данной меры является дискуссионной. В условиях дефицита товаров, острого жилищного кризиса и низкого уровня жизни фискальное давление не могло стать решающим фактором при принятии решения о рождении ребенка. Как отмечает И.А. Григорьев, демографическое поведение определяется сложным комплексом социально-экономических условий, а не отдельными административными мерами [2, с. 67].

С точки зрения прав человека и гендерного равенства налог на бездетность вызывает критику со стороны современных юристов и социологов. Несмотря на формальное распространение на оба пола, его положения содержали скрытую дискриминацию. Установление различного верхнего возрастного предела для мужчин и женщин, хотя и объясняемое биологическими факторами, закрепляло стереотип о том, что репродуктивная функция является основной социальной ролью женщины. Более того, норма об освобождении от налога жен военнослужащих при отсутствии аналогичной льготы для мужей женщин-военнослужащих косвенно подтверждала патриархальную модель семьи. Данный налог представлял собой прямое вмешательство государства в частную жизнь граждан, регулируя интимные аспекты человеческих отношений и возводя деторождение в разряд гражданской обязанности перед государством.

Исторический опыт применения налога на бездетность в СССР имеет значительное методологическое значение для анализа современных демографических вызовов. Периодически возникающие в публичном дискурсе инициативы о возрождении подобного фискального инструмента, как правило, не находят поддержки в научном сообществе [4, с. 58]. Ученые, например, такие как О.В. Морозова,

подчеркивают, что в правовом демократическом государстве подобные меры вступают в противоречие с конституционными принципами равенства, неприкосновенности частной жизни и свободы личности [9, с. 86]. Современные подходы к демографической политике, как отмечается в работе Т.К. Ростовской и Е.Н. Васильевой, должны базироваться не на принуждении, а на создании благоприятных социально-экономических условий, комплексной поддержке семей с детьми через систему пособий, налоговых вычетов, доступного жилья и инфраструктуры [11, с. 1114]. Российское законодательство, предоставляющее стандартные налоговые вычеты на детей в соответствии со статьей 218 Налогового кодекса Российской Федерации, является примером позитивного стимулирования, не нарушающего прав и свобод граждан.

Таким образом, генезис и функционирование советского налога на холостяков, одиноких и бездетных граждан следует рассматривать как продукт конкретной исторической эпохи, характеризовавшейся тотальным контролем государства над обществом, чрезвычайными условиями войны и послевоенного периода. Его нормативное содержание эволюционировало от фискального сбора в пользу бюджета к инструменту дифференцированного налогообложения, поощряющего многодетность.

Современные научные дискуссии о возможном возрождении в Российской Федерации налога на бездетность, официально именовавшегося в Советском Союзе налогом на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, затрагивают фундаментальные вопросы о пределах допустимого вмешательства государства в частную жизнь личности в условиях правового демократического строя [7, с. 295]. Эти дискуссии развиваются в двух основных плоскостях: первая касается правовой легитимности подобной меры, а вторая посвящена сравнительному анализу ее потенциальной эффективности на фоне зарубежных моделей демографического регулирования. Правовым парадоксом, который исследуют авторы, включая С.Н. Грошева, И.А. Григорьева и Е.А. Андрееву, является конфликт между законным стремлением государства обеспечить национальную

демографическую безопасность и конституционными гарантиями неприкосновенности частной сферы, свободы личности и принципа равенства. Правовое государство, каковым согласно Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальном интернет-портале правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru. (далее - Конституция), является Россия, обязано обеспечивать баланс публичных и частных интересов, причем публичный интерес не может автоматически служить оправданием для любых ограничений прав человека. Любое фискальное нововведение, особенно столь специфического характера, должно пройти строгую проверку на соответствие критериям, выработанным конституционной доктриной: наличие законной цели, соразмерность и необходимость избранных средств, отсутствие дискриминационного эффекта и недопустимость избыточного вмешательства в сферу личной автономии.

Легитимность налога на бездетность вызывает серьезные сомнения с точки зрения его соответствия принципу верховенства права. Формально государство имеет право устанавливать налоги для финансирования общественных нужд, а демографическое развитие, несомненно, относится к таким нуждам. Однако содержание и механизм данного конкретного налога выводят его за рамки обычного фискального инструмента. Он трансформируется в инструмент прямого социально-биологического регулирования, связывая размер финансового обязательства гражданина с фактом наличия или отсутствия у него детей. Такой подход создает прецедент, когда государство через налоговую систему оценивает и санкционирует определенные модели личного и семейного поведения, что вступает в прямое противоречие со статьей 23 Конституции Российской Федерации, гарантирующей право на неприкосновенность частной жизни. Частная жизнь в современном понимании включает в том числе решения о вступлении в брак, создании семьи и рождении детей. Установление финансовых санкций за один из возможных вариантов развития личной судьбы гражданина является грубым

вторжением в эту автономную сферу. Государство не должно становиться арбитром в вопросах приватного выбора, применяя денежные санкции за несоответствие некоему предписанному демографическому стандарту.

Принцип равенства, закрепленный в статье 19 Конституции Российской Федерации и детализированный в статье 3 НК РФ, также подвергается серьезному испытанию при введении налога на бездетность. Данный налог по определению проводит различие между гражданами по признаку их семейного положения и репродуктивного выбора. Он создает два класса налогоплательщиков: те, чей образ жизни соответствует демографической политике государства, и те, кто по тем или иным причинам от него отклоняется. Такое различие носит дискриминационный характер, поскольку основано не на экономической платежеспособности или объективных характеристиках дохода, а на глубоко личностных, зачастую интимных обстоятельствах жизни человека.

Критерий соразмерности и необходимости требует, чтобы избранная мера была адекватна поставленной цели, и чтобы не существовало иных, менее ограничивающих конституционные права способов ее достижения. Цель повышения рождаемости является легитимной и значимой. Однако налог на бездетность как средство ее достижения вызывает вопросы об адекватности. Исторический опыт СССР не дает однозначных доказательств его эффективности, так как демографические процессы послевоенного и позднесоветского периода определялись множеством других мощных факторов.

Сравнительный анализ международного опыта демографического регулирования предоставляет фундаментальные аргументы, свидетельствующие о нецелесообразности и юридической уязвимости введения прямого налога на бездетность в правовом государстве. Правовые системы развитых европейских государств демонстрируют устойчивую эволюционную траекторию, направленную на последовательный отказ от репрессивных фискальных инструментов, непосредственно вторгающихся в приватную сферу репродуктивного выбора. Вместо таких инструментов указанные

правопорядки сформировали сложные, многоуровневые системы косвенного стимулирования рождаемости, основанные на принципах добровольности, позитивной дискриминации в пользу семей с детьми и создании благоприятной социальной инфраструктуры [5, с. 479]. Данная трансформация отражает изменения в понимании соотношения публичных и частных интересов, произошедшие в конституционном праве и доктрине прав человека во второй половине XX - начале XXI века.

Немецкая модель правового регулирования социальной поддержки семьи, часто упоминаемая в отечественных дискуссиях в качестве возможного прецедента фискального обременения бездетных граждан, при детальном рассмотрении демонстрирует принципиально иную правовую природу и целевое назначение. Как следует из анализа действующего законодательства Федеративной Республики Германия (Социальный кодекс Германии (Sozialgesetzbuch - SGB), Книга одиннадцатая (SGB XI) — «Социальное страхование на случай необходимости ухода» (Soziale Pflegeversicherung). Конкретная норма, устанавливающая повышенный взнос для бездетных, закреплена в § 55 SGB XI (Beitragszuschlag für Kinderlose)), повышенный страховой взнос по уходу для бездетных граждан не является налогом в его классическом фискально-демографическом понимании и не позиционируется законодателем как инструмент стимулирования рождаемости [8, с. 376]. Данный платеж представляет собой элемент обязательного государственного социального страхования и взимается в размере 0,6 процента от валового дохода с граждан, достигших возраста двадцати трех лет и не имеющих детей. Сущностное отличие этого сбора от налога на бездетность заключается в его страховой, а не фискально-карательной природе. Указанный взнос аккумулируется не в общем бюджете для последующего перераспределения на любые государственные нужды, а в специализированных фондах социального страхования, предназначенных для финансирования рисков, связанных с необходимостью долговременного ухода за пожилыми гражданами и инвалидами. Логика законодателя состоит в том, что лица, не воспитавшие детей, в по-

жилом возрасте не могут рассчитывать на безвозмездную помощь со стороны потомства и потому в большей степени создают нагрузку на систему государственного страхования по уходу. Соответственно, повышенная ставка взноса для бездетных компенсирует отсутствие у них семейного потенциала для обеспечения ухода. При этом для граждан, имеющих двух и более детей, ставка данного страхового взноса, напротив, существенно снижается, что также соответствует страховым принципам солидарности и соразмерности ответственности. Таким образом, германский опыт не может рассматриваться как подтверждение допустимости или эффективности налога на бездетность, поскольку основан на совершенно ином правовом механизме и преследует цели социального страхования, а не демографического стимулирования.

Итальянская правовая система представляет собой наиболее показательный исторический пример внедрения прямого налога на бездетность в рамках авторитарного политического режима. Как свидетельствуют историко-правовые исследования, налог на холостяков был введен в Италии в 1927 году по инициативе фашистского правительства Бенито Муссолини и стал составной частью масштабной демографической кампании, официально именовавшейся «Битва за рождаемость». Данная кампания носила комплексный идеологический, правовой и фискальный характер. Налогом облагались холостые мужчины, не состоящие в браке и не имеющие детей, за исключением священнослужителей и офицеров вооруженных сил. Размер фискального обложения достигал пяти процентов от средней заработной платы, при этом бездетные граждане дополнительно выплачивали в бюджет фиксированную сумму, установленную законодательством. Параллельно с введением налога фашистский режим реализовывал политику прямой дискриминации лиц, не состоящих в браке: они не могли занимать высокие государственные должности, ограничивались в социальных правах, подвергались общественному порицанию. Одновременно государство создавало систему преференций для многодетных семей, включая введение семейных пособий и оплачиваемого декретного отпуска для за-

страхованных женщин. Данный фискально-репрессивный механизм просуществовал до падения режима Муссолини в 1943 году. Современная итальянская семейная политика, базирующаяся на положениях республиканской Конституции Итальянской Республики (основной закон Италии, принята в 1947 году Конституционной ассамблеей, вступила в силу 1 января 1948 года), провозгласившей семью основной ячейкой общества и закрепившей в статье 31 обязанность государства поддерживать семьи через систему пособий и налоговых льгот, полностью отказалась от фискальных санкций за бездетность. В настоящее время итальянское законодательство использует исключительно позитивные механизмы стимулирования, включая различные формы прямой финансовой поддержки семей с детьми и налоговые вычеты

Румынская модель демографического регулирования эпохи режима Николае Чаушеску представляет собой наиболее радикальный и одновременно трагический пример административно-репрессивного вмешательства государства в репродуктивную сферу [16, с. 88]. В период с 1967 по 1989 год в Социалистической Республике Румыния действовал комплекс законодательных актов, прямо запрещающих аборты и контрацепцию для женщин в возрасте до сорока лет [20]. Данные меры сопровождались созданием разветвленной системы контроля за беременными женщинами, включая обязательные медицинские осмотры на рабочих местах и привлечение к ответственности как самих женщин, так и медицинских работников за проведение абортов [13, с. 118]. Фискальный компонент данной политики выражался в повышенном налогообложении бездетных граждан, а также граждан, имеющих менее установленного государством норматива количества детей. Современная правовая наука и международное право единодушно квалифицируют указанные меры как грубейшее нарушение фундаментальных прав человека, включая право на неприкосновенность частной жизни, право на свободу от дискриминации, право на охрану здоровья и репродуктивную автономию. Опыт румынской демографической политики демонстрирует не только правовую недопустимость, но и практическую

неэффективность репрессивных методов: краткосрочный всплеск рождаемости сменился глубоким демографическим и социальным кризисом, массовым ростом числа детей-сирот, увеличением материнской смертности и масштабной психологической травматизацией нескольких поколений румынских женщин.

Французская республиканская модель демографического регулирования признается в сравнительном правоведении одной из наиболее эффективных и одновременно наиболее респектабельных с точки зрения соблюдения прав человека. Французское законодательство, в частности налоговый кодексе Франции (Code général des impôts, вступил в силу с 1 января 1951 года), не содержит и никогда не содержало прямых фискальных санкций за бездетность. Вместо этого правовая система Франции на протяжении десятилетий последовательно совершенствует механизм семейного коэффициента при исчислении подоходного налога [17]. Сущность данного механизма заключается в следующем: совокупный налогооблагаемый доход домохозяйства делится на определенное количество частей, количество которых напрямую зависит от числа членов семьи. Одинокая бездетная семья из одного человека имеет право на одну часть. Супружеская пара без детей получает право на две части. При наличии детей количество частей увеличивается: каждый ребенок дает право на дополнительную половину части, а начиная с третьего ребенка - на целую часть. Поскольку французская шкала подоходного налога является прогрессивной, уменьшение налогооблагаемой базы за счет деления дохода на большее количество частей приводит к существенному снижению эффективной ставки налогообложения для семей с детьми [6, с. 15]. Данный механизм не создает дискриминационного разделения налогоплательщиков на классы по признаку репродуктивного выбора, не налагает дополнительного бремени на бездетных граждан, не требует от государства сбора и обработки деликатной информации о причинах бездетности. Он действует исключительно как система льгот для тех, кто принял решение о рождении и воспитании детей. При этом французское законодательство дополняет налоговые льготы разветвленной

системой прямых денежных пособий, выплачиваемых семьям с детьми независимо от уровня их доходов, а также масштабными инвестициями в инфраструктуру дошкольного образования и ухода за детьми. Именно этот комплекс мер, а не фискальные санкции, обеспечивает Франции лидирующие позиции в Европейском союзе по показателям суммарного коэффициента рождаемости.

Скандинавская модель демографической политики, реализуемая в Королевстве Швеция, Королевстве Норвегия, Королевстве Дания, Финляндской Республике и Республике Исландия, базируется на принципиально иных концептуальных основаниях, нежели фискальное стимулирование или наказание. Центральным элементом данной модели является не налоговая, а социально-инфраструктурная и гендерно-ориентированная политика [12, с. 120]. Скандинавские государства исторически отказались от идеи использования налоговой системы для прямого воздействия на репродуктивное поведение. Вместо этого они сформировали правовые и организационные механизмы, обеспечивающие фактическую возможность совмещения родительских и профессиональных обязанностей для обоих родителей. Ключевыми элементами скандинавской модели выступают: во-первых, система индивидуального, а не семейного налогообложения, исключающая налоговые преференции для брака и создающая равные условия для мужчин и женщин на рынке труда; во-вторых, развитая сеть общедоступных и высококачественных муниципальных дошкольных учреждений, функционирующих на принципах субсидирования родительской платы из бюджетных средств; в-третьих, гибкая система оплачиваемых отпусков по уходу за ребенком, значительная часть которых резервируется исключительно за отцом, что стимулирует более равномерное распределение семейных обязанностей и снижает дискриминацию женщин при найме и продвижении по службе; в-четвертых, активная политика на рынке труда, направленная на создание рабочих мест с неполным рабочим днем и гибким графиком. Корреляция между высоким уровнем рождаемости в скандинавских странах и отсутствием фискальных санкций за бездетность является не случайной, а за-

кономерной: правовые системы, уважающие автономию личности в репродуктивной сфере, добиваются лучших демографических результатов, чем системы, пытающиеся принудить граждан к деторождению через экономическое давление.

Британский опыт налоговой дифференциации 1894–1920 годов убедительно демонстрирует, что фискальное обложение граждан по критерию семейного положения неизбежно превращается из экономического инструмента в средство социальной стигматизации. В ходе публичных дебатов холостяки прямо именовались «неполноценными гражданами», уклоняющимися от долга перед государством, и были принуждены публично оправдывать свой жизненный выбор, обнажая интимные обстоятельства частной жизни [18]. Для современной России данный исторический урок имеет принципиальное значение: возрождение налога на бездетность не только вступит в противоречие со статьей 23 Конституции Российской Федерации, гарантирующей право на неприкосновенность частной жизни, но и воспроизведет порочную модель принудительного оправдания граждан перед государством.

Попытки обосновать налог на бездетность экономическими аргументами о необходимости перераспределения финансовых ресурсов от бездетных граждан в пользу семей с детьми являются уязвимыми с позиций конституционного права и теории прав человека. Такое перераспределение, осуществляемое в принудительном порядке на основе выделения граждан в особую категорию по критерию их семейного статуса и репродуктивного поведения, не может быть квалифицировано иначе, как форма коллективного взыскания или дискриминационного налогообложения. Принцип правового государства требует, чтобы налоговые обязательства граждан были соразмерны их экономической способности к уплате налога и не зависели от личностных характеристик, не имеющих прямого отношения к объекту налогообложения. Установление повышенного налога для бездетных граждан нарушает данный принцип, поскольку их платежеспособность определяется исключительно размером дохода, а не наличием или отсутствием детей. Более того, подобное перерас-

пределение вступает в противоречие с фундаментальным принципом семейного права, согласно которому обязанность по содержанию и воспитанию детей возлагается прежде всего на их родителей, и лишь субсидиарно на все общество через универсальные механизмы социального государства. Налог на бездетность конструирует принципиально иную модель, при которой ответственность за содержание чужих детей перекладывается на конкретную, выделенную по личностному признаку группу налогоплательщиков, что не имеет под собой ни экономического, ни этического, ни правового обоснования [15, с. 446].

Современное российское налоговое законодательство, вопреки распространенному заблуждению, уже содержит полноценный и конституционно механизм перераспределения налоговой нагрузки в пользу семей с детьми. Развитие и усиление именно этого механизма через увеличение размера вычетов и расширение категорий, имеющих на них право налогоплательщиков, представляет собой бесспорный путь совершенствования российской демографической политики.

Таким образом, комплексный сравнительно-правовой анализ международного опыта демографического регулирования приводит к однозначному выводу о недопустимости и бесперспективности введения налога на бездетность в правовой системе Российской Федерации. Данная фискальная мера не выдерживает проверку на соответствие фундаментальным критериям правового государства: уважению достоинства личности, неприкосновенности частной жизни, равенству всех перед законом и судом, соразмерности ограничений прав граждан конституционно значимым целям. Налог на бездетность представляет собой архаичный, связанный с авторитарными политическими режимами инструмент принудительного государственного патернализма, доказавший свою фактическую неэффективность и правовую несостоятельность. Зарубежные модели демографической политики - германская, французская, скандинавская, делают акцент на создании благоприятных условий для реализации репродуктивных планов граждан, на устранении

объективных барьеров, препятствующих рождению и воспитанию детей, на формировании в обществе атмосферы уважения к семье и родительству. Эти модели не наказывают за отсутствие детей, а последовательно и щедро поддерживают тех, кто принимает на себя ответственность за их воспитание. Для Российской Федерации, конституционно провозгласившей себя правовым и социальным государством, верным и единственно конституционно корректным путем решения демографических проблем является не возрождение советского фискального инструмента, унаследованного от эпохи тотальной мобилизации и огосударствления личности, а последовательное совершенствование и расширение целостной системы мер позитивной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства. Именно этот путь позволяет гармонично сочетать достижение публичных демографических целей с безусловным соблюдением и эффективной защитой фундаментальных прав и свобод каждого гражданина, что и составляет сущностную характеристику правового государства.

Заключение

1. Первоначальное введение налога на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР в 1941 году было обусловлено не столько фискальными потребностями военного времени, сколько стремлением государства к формированию устойчивой модели мобилизационной демографической политики, основанной на принудительном стимулировании рождаемости.

2. Анализ нормативно-правовой базы выявляет прямую зависимость между ужесточением налогового бремени на бездетных граждан и расширением системы государственных пособий многодетным матерям, что свидетельствует о формировании механизма перераспределения доходов между различными демографическими группами населения.

3. Практика применения налога обнаруживает существенный разрыв между декларируемыми целями (стимулирование рождаемости) и фактическими результатами: отсутствие убедительных

демографических эффектов при одновременном устойчивом воспроизводстве налоговой дискриминации по признаку семейного положения и наличия детей.

4. Сужение сферы действия налога в 1950-е годы и последующая его отмена в 1992 году находятся в прямой зависимости от исчерпания мобилизационной модели экономики, изменения репродуктивных стратегий населения и осознания несовместимости налоговой дискриминации с декларируемыми принципами социальной справедливости.

5. Научная новизна работы заключается в триедином анализе налога на бездетность (историко-правовой, конституционно-правовой и сравнительно-правовой), позволившем классифицировать зарубежные модели и обосновать конституционные критерии недопустимости фискального воздействия на репродуктивное поведение. Перспективы дальнейшего исследования связаны с анализом эффективности действующих мер поддержки семей в регионах РФ, мониторингом общественного мнения и разработкой предложений по совершенствованию налоговых вычетов на детей.

Благодарность. Авторы выражают благодарность своему научному руководителю – преподавателю кафедры теории права и публично-правовых дисциплин Рязанского государственного университета – Антону Генадиевичу Монетову за ценные советы при планировании исследования и рекомендации по оформлению статьи.

Список литературы

1. Андреева, Е. А. (2017). Нужен ли России налог на бездетность? *Матрица научного познания, (11)*, с. 29–35. EDN: https://elibrary.ru/ZUFOOV
2. Григорьев, И. А. (2017). Налог на холостяков в исторической ретроспективе. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, (2)* (76), с. 66–68. EDN: https://elibrary.ru/XVHUIP
3. Грошев, С. Н. (2022). Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан в СССР. К вопросу о правах мужчин. *Вестник Московского университета МВД России, (4)*, с. 68–71. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-68-71. EDN: https://elibrary.ru/RYFKNO

4. Данюкова, А. В. (2025). Осмысление практики применения налога на бездетность как основа для будущих налоговых реформ. В: *Современные инструменты налогового регулирования в условиях трансформации социально-экономических процессов: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 4 дек. 2024 г.* (с. 53–58). Ростов-на-Дону: Изд-во РГЭУ (РИНХ). EDN: https://elibrary.ru/TMYOWV
5. Егузекова, А. А. (2023). Практика применения мер позитивной дискриминации в зарубежных странах. В: *Эволюция российского права: Материалы XXI Международной научной конференции молодых учёных и студентов, Екатеринбург, 28 апреля 2023 года* (с. 478–489). Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева. EDN: https://elibrary.ru/ALDAZS
6. Зотиков, Н. З. (2020). Налоговая система Франции, её особенности. *Вестник евразийской науки, 12*(6), с. 15. EDN: https://elibrary.ru/UAOFWA
7. Исламов, Д. Р. (2025). Налог на бездетность как ответ на актуальные вызовы демографической политики современной России. В: *Шаг в науку: Сборник тезисов докладов отчётной научно-практической конференции, Москва, 28–30 мая 2025 года* (с. 293–299). Москва: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова. EDN: https://elibrary.ru/NGUDTR
8. Левченко, Е. А. (2016). Социальная защита отдельных категорий граждан в странах ЕС: опыт Германии. *Экономика труда, 3*(4), с. 371–380. https://doi.org/10.18334/et.3.4.37138. EDN: https://elibrary.ru/XVLVRV
9. Морозова, О. В. (2017). Поможет ли налог на бездетность решению демографической проблемы? *Каспийский регион: политика, экономика, культура, (4)* (53), с. 81–87. EDN: https://elibrary.ru/YSJKBX
10. Проездова, А. Д. (2024). Налог на бездетность. Пережиток прошлого или необходимость. В: *Векторы развития современной науки: Сборник статей III Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 30 мая 2024 года* (с. 219–224). Петрозаводск: Международный центр научного партнёрства «Новая Наука». EDN: https://elibrary.ru/MCYDAH
11. Ростовская, Т. К., & Васильева, Е. Н. (2021). Семейно-демографическая политика в контексте воспроизводства населения (страновый обзор). *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины, 29*(5), с. 1111–1116. https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-5-1111-1116. EDN: https://elibrary.ru/BAZONE
12. Субхангулова, К. А. (2023). Семейная политика скандинавских стран: реакция на демографические вызовы. *Социально-трудовые исследования, (1)* (50), с. 117–130. https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-50-1-117-130. EDN: https://elibrary.ru/BQLSLC
13. Тимофеева, О. В. (2022). От запрета к отказу: метаморфозы решения вопроса об абортах в Румынии. *Вестник Прикамского социального института, (3)* (93), с. 116–123. EDN: https://elibrary.ru/ZVWNUV

14. Чепик, О. В. (2023). К вопросу взимания НДФЛ и налога на бездетность: исторический и современный аспект. *Управленческий учёт, (1)*, с. 251–257. https://doi.org/10.25806/uu12023251-257. EDN: https://elibrary.ru/VXZKAF
15. Шибанова, К. К. (2024). Налог на бездетность: за и против. В: *Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых учёных: Материалы Национальной научно-практической студенческой конференции, Брянск, 18–19 декабря 2024 года* (с. 442–446). Брянск: Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского. EDN: https://elibrary.ru/SLRVXI
16. Enescu, A. G. (2021). The implication of demographics on the Romanian pension system. *Bulletin of the Transilvania University of Brasov Series V Economic Sciences, (14)* (63), pp. 85–94. https://doi.org/10.31926/but.es.2021.14.63.2.10. EDN: https://elibrary.ru/JEJIEH
17. Brunori, P., Maitino, M. L., Ravagli, L., & Sciclone, N. (2020). French do it better. The distributive effect of introducing French family fiscal policies in Italy. *International Journal of Microsimulation, 13*(1), pp. 2–18. https://doi.org/10.34196/ijm.00210. EDN: https://elibrary.ru/UKJKBU
18. Haslam, P. (2025). Debating the Bachelor Tax: Masculinity and the Politics of Taxation in Britain, 1894–1920. *Modern British History, 36*(3), hwaf013. https://doi.org/10.1093/tcbh/hwaf013. EDN: https://elibrary.ru/RYHTCS
19. Ironside, K. (2017). Between Fiscal, Ideological, and Social Dilemmas: The Soviet 'Bachelor Tax' and Post-war Tax Reform, 1941–1962. *Europe-Asia Studies, 69*(6), pp. 855–878. https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1344189. EDN: https://elibrary.ru/YHVOXB
20. Zvîncă, G. (2022). Vlad PAŞCA OPRIŞIU Cincinalu n patru ani şi jumătate (1971–1975). Nicolae Ceauşescu şi economia României socialiste, de la tentaţii tehnocratice la primatul politicului. *Acta Musei Napocensis. Historica, 58*, pp. 320–322. https://doi.org/10.54145/actamn.58.18. EDN: https://elibrary.ru/BKTBGV

References

1. Andreeva, E. A. (2017). Does Russia need a childlessness tax? *Matrix of Scientific Knowledge*, *(11)*, 29–35. EDN: https://elibrary.ru/ZUFOOV
2. Grigoriev, I. A. (2017). The bachelor tax in historical retrospect. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice*, *(2)(76)*, 66–68. EDN: https://elibrary.ru/XVHUIP
3. Groshev, S. N. (2022). The bachelor, single and small-family tax in the USSR: On the issue of men's rights. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, *(4)*, 68–71. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-68-71. EDN: https://elibrary.ru/RYFKNO
4. Danyukova, A. V. (2025). Understanding the practice of applying the childlessness tax as a basis for future tax reforms. In: *Modern tools of tax regulation in the context*

of transformation of socio-economic processes: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, December 4, 2024 (pp. 53–58). Rostov-on-Don: Publishing House of Rostov State Economic University (RINH). EDN: https://elibrary.ru/TMYOWV

5. Yeguzekova, A. A. (2023). The practice of applying positive discrimination measures in foreign countries. In: *Evolution of Russian law: Proceedings of the XXI International Scientific Conference of Young Scientists and Students, Yekaterinburg, April 28, 2023* (pp. 478–489). Yekaterinburg: Ural State Law University named after V.F. Yakovlev. EDN: https://elibrary.ru/ALDAZS
6. Zotikov, N. Z. (2020). The tax system of France and its features. *Bulletin of Eurasian Science*, *12(6)*, 15. EDN: https://elibrary.ru/UAOFWA
7. Islamov, D. R. (2025). The childlessness tax as a response to current challenges of modern Russia's demographic policy. In: *Step into Science: Collection of abstracts of the reporting scientific and practical conference, Moscow, May 28–30, 2025* (pp. 293–299). Moscow: Plekhanov Russian University of Economics. EDN: https://elibrary.ru/NGUDTR
8. Levchenko, E. A. (2016). Social protection of certain categories of citizens in EU countries: The German experience. *Labour Economics*, *3(4)*, 371–380. https://doi.org/10.18334/et.3.4.37138. EDN: https://elibrary.ru/XVLVRV
9. Morozova, O. V. (2017). Will a childlessness tax help solve the demographic problem? *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, *(4)(53)*, 81–87. EDN: https://elibrary.ru/YSJKBX
10. Proezdova, A. D. (2024). The childlessness tax: A relic of the past or a necessity? In: *Vectors of development of modern science: Collection of articles of the III International Scientific and Practical Conference, Petrozavodsk, May 30, 2024* (pp. 219–224). Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science". EDN: https://elibrary.ru/MCYDAH
11. Rostovskaya, T. K., & Vasilieva, E. N. (2021). Family and demographic policy in the context of population reproduction: A country review. *Problems of Social Hygiene, Healthcare and History of Medicine*, *29(5)*, 1111–1116. https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-5-1111-1116. EDN: https://elibrary.ru/BAZONE
12. Subkhangulova, K. A. (2023). Family policy in Scandinavian countries: Response to demographic challenges. *Social and Labour Research*, *(1)(50)*, 117–130. https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-50-1-117-130. EDN: https://elibrary.ru/BQLSLC
13. Timofeeva, O. V. (2022). From prohibition to refusal: Metamorphoses in addressing the abortion issue in Romania. *Bulletin of the Prikamsky Social Institute*, *(3)(93)*, 116–123. EDN: https://elibrary.ru/ZVWNUV
14. Chepik, O. V. (2023). On the issue of collecting personal income tax and childlessness tax: Historical and modern aspects. *Management Accounting*, *(1)*, 251–257. https://doi.org/10.25806/uu12023251-257. EDN: https://elibrary.ru/VXZKAF

15. Shibanova, K. K. (2024). Childlessness tax: Pros and cons. In: *Actual problems of modern science: A view of young scientists: Proceedings of the National Scientific and Practical Student Conference, Bryansk, December 18–19, 2024* (pp. 442–446). Bryansk: Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. EDN: https://elibrary.ru/SLRVXI
16. Enescu, A. G. (2021). The implication of demographics on the Romanian pension system. *Bulletin of the Transilvania University of Brasov Series V: Economic Sciences*, *(14)(63)*, 85–94. https://doi.org/10.31926/but.es.2021.14.63.2.10. EDN: https://elibrary.ru/JEJIEH
17. Brunori, P., Maitino, M. L., Ravagli, L., & Sciclone, N. (2020). French do it better. The distributive effect of introducing French family fiscal policies in Italy. *International Journal of Microsimulation, 13*(1), pp. 2–18. https://doi.org/10.34196/ijm.00210. EDN: https://elibrary.ru/UKJKBU
18. Haslam, P. (2025). Debating the bachelor tax: Masculinity and the politics of taxation in Britain, 1894–1920. *Modern British History*, *36(3)*, hwaf013. https://doi.org/10.1093/tcbh/hwaf013. EDN: https://elibrary.ru/RYHTCS
19. Ironside, K. (2017). Between fiscal, ideological, and social dilemmas: The Soviet 'bachelor tax' and post-war tax reform, 1941–1962. *Europe-Asia Studies*, *69(6)*, 855–878. https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1344189. EDN: https://elibrary.ru/YHVOXB
20. Zvîncă, G. (2022). Vlad PAŞCA OPRIŞIU Cincinalu n patru ani şi jumătate (1971–1975): Nicolae Ceauşescu şi economia României socialiste, de la tentaţii tehnocratice la primatul politicului. *Acta Musei Napocensis. Historica*, *58*, 320–322. https://doi.org/10.54145/actamn.58.18. EDN: https://elibrary.ru/BKTBGV

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Кухто Мария Ивановна, студент 4 курса юридического института
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
ул. Свободы, 46, г. Рязань, Рязанская область, 390000, Российская Федерация
kuhtomaria049@gmail.com

Чикова Валерия Павловна, студент 4 курса юридического института
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
ул. Свободы, 46, г. Рязань, Рязанская область, 390000, Российская Федерация
lera.vasyutina.05@bk.ru

Аровина Карина Владимировна, студент 4 курса юридического института
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
ул. Свободы, 46, г. Рязань, Рязанская область, 390000, Российская Федерация
k.arovina@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Maria I. Kukhto, Student, Institute of Law
S.A. Yesenin Russian State University
46, Svobody Str., Ryazan, Ryazan Oblast, 390000, Russian Federation
kuhtomaria049@gmail.com

Valeria P. Chikova, Student, Institute of Law
S.A. Yesenin Russian State University
46, Svobody Str., Ryazan, Ryazan Oblast, 390000, Russian Federation
lera.vasyutina.05@bk.ru

Karina V. Arovina, Student, Institute of Law
S.A. Yesenin Russian State University
46, Svobody Str., Ryazan, Ryazan Oblast, 390000, Russian Federation
k.arovina@mail.ru

Поступила 15.02.2026 Received 15.02.2026
После рецензирования 02.03.2026 Revised 02.03.2026
Принята 17.03.2026 Accepted 17.03.2026